

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА «ДУБНА»

И. Б. Шатуновский

ПРОБЛЕМЫ
РУССКОГО ВИДА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16180

Шатуновский И. Б.

Ш 28 Проблемы русского вида. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 352 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0357-0

В монографии представлено целостное семантико-прагматическое описание категории вида — философски и прагматически наиболее значимой категории русской грамматики, отражающей наиболее кардинальные аспекты устройства мира и его отражения и интерпретации в уме человека, говорящего и мыслящего на русском языке. Особое внимание уделено выявлению и описанию инвариантных (прототипических) значений совершенного и несовершенного видов и их мотивационных связей с частными значениями видов. Рассмотрены во взаимной связи и обусловленности все основные значения и типизированные употребления совершенного и несовершенного видов, составляющие в совокупности видовую систему, исследована взаимосвязь и взаимная обусловленность всех основных содержательных аспектов видовых форм: собственно семантики, прагматики, функции в дискурсе, коммуникативной функции, актуального членения (коммуникативной перспективы) и референции видовых форм, включающих их глагольных групп и высказываний в целом.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина
Николая Левченко «Гелиос» (1989)*

ISBN 978-5-9551-0357-0

© И. Б. Шатуновский, 2009
© Языки славянских культур, 2009

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение	7
Глава 1. Проблема инварианта.	21
Глава 2. Семантические типы глаголов СВ	45
Глава 3. Коммуникативные типы СВ	79
Глава 4. Неопределенно-длительное значение НСВ	99
Глава 5. Значение повторяемости НСВ	115
Глава 6. Общефактическое значение НСВ	137
Глава 7. Вид и время	193
Глава 8. Настоящее динамическое НСВ.	199
Глава 9. Вид и отрицание	215
Глава 10. Вид в императиве	245
Глава 11. Повторяемость и СВ	293
Глава 12. Потенциальное значение СВ	313
Список сокращений и условных обозначений	326
Литература	327
Предметный указатель	337

Введение

1. Вступление. Проблемам русского вида посвящено огромное количество работ, и это неудивительно. Категория вида — это центральная, системообразующая категория русской грамматики, чрезвычайно сложная, иерархически построенная, с огромных количеством аспектуально значимых категорий различного объема и уровня, одной стороной погруженная в грамматику, с ее строгим порядком и гармонией, а с другой — в лексику [Плунгян 2000: 293–294; Перцов 2001, 6.2.3], с ее относительным хаосом, и через все более мелкие и дробные аспектуальные группы и особенности отдельных лексем растворяющаяся в ней. Хаос, царящий в этой области, усугубляется тем, что область вида находится в настоящее время в процессе чрезвычайно быстрых, по историческим меркам, и при этом противоположно направленных изменений. Это, с одной стороны, всё возрастающая продуктивность вторичных имперфективов [Ремчукова 2004], специализирующихся в большей мере на выражении повторяющихся, кратных действий [Апресян 1995: 112], так что сквозь двухчленную категорию начинает брезжить формирующаяся трехчленная. С другой стороны — все новые и новые вливания заимствуемых из языков средневропейского стандарта двувидовых, то есть фактически лишенных категории вида, глаголов, постепенно «перевариваемых» системой, причем неизвестно, что идет с большей скоростью: переваривание или вливание. Категория вида — это также философски

наиболее значимая категория русской грамматики, поскольку она отражает наиболее кардинальные аспекты устройства мира и его отражения и интерпретации в уме человека. Картина мира в русском языке представлена прежде всего через призму видовой системы. Это также категория, в наибольшей степени связанная с жизнью и деятельностью человека, устройство которой невозможно понять вне связи с прагматикой ее употребления. И чем дальше продвигаются исследования вида, тем больше открывается новых проблем, которые и не снились тем, кто стоял у истоков его изучения. Это можно сравнить с подъемом на гору, образованную нашими знаниями: чем больше мы знаем, чем выше мы поднимаемся, тем дальше раздвигается горизонт неведомого и, в конечном счете, непостижимого. Но это не является основанием отказаться от подъема.

2. Маркированность. В бинарной оппозиции совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида, если взять ее в целом, с семантико-функциональной, не формальной, точки зрения маркированным членом (в целом ряде отношений) является СВ [см. Маслов 1984: 72; Бондарко 1971: 20; Forsyth 1970: 6; и др.]. Прежде всего, СВ обладает узким, четким и фактически одним (единым) значением [Маслов 1984: 73], в отличие от НСВ, выражающего целый ряд весьма различных, хотя и связанных друг с другом, значений¹. «Как „экстенсивный“ член видового противопоставления НСВ обладает более широким семантическим спектром и соответственно — тремя более или менее равноценными центральными значениями, причем в каждом значении есть еще дополнительные варианты» [Маслов 1984: 73]. Этот факт затушевывается в существующих описаниях тем, что у СВ, как и у НСВ, также выделяется ряд «частных значений» (конкретно-фактическое, перфектное, суммарное, потенциальное, условное и т. д.). Однако степень «выделенности», весомости различных значений СВ несоизмерима с различиями в значениях НСВ; в случае НСВ часто нелегко увидеть связь между значениями, и само наличие этой связи в ряде случаев дискуссионно [Гловинская 1982: 14]; в то же время в случае СВ собственно значение видовой формы во всех употреблениях остается неизменным [Маслов 1984: 73], и различия между различными «значениями» (здесь лучше сказать «типами употребления») СВ сводятся к разнице в актуальном членении (коммуникативной перспективе) этого единого значения или наличию каких-то внешних

¹ В отличие от СВ, отмечает М. Я. Гловинская, у несовершенного вида «есть не одно, а несколько периферийных значений, учитываемых аспектологией» [1982: 14].

контекстуальных или ситуативных факторов, и з в н е добавляющих нечто в общее значение высказывания. Казалось бы, это облегчает задачу практического изучения видов: достаточно научиться употреблению узкого, четкого СВ и употреблять для выражения остальных значений НСВ. Ситуация, однако, осложняется тем, что, тем не менее, надо еще знать, каковы эти «остальные значения», выражаемые НСВ; ведь НСВ не выражает всё на свете. Типовые грамматические значения в разных языках не совпадают, поэтому без изучения и описания значений НСВ не обойтись.

Маркирован СВ и в том отношении, что он в едином значении, в одном и том же употреблении имеет все признаки, связанные в жесткий взаимообусловленный «пучок», по которым он противопоставлен НСВ: это (забегая вперед и упрощая) то, что он обозначает (1) единичное (2) определенное [Leinonen 1982, 3.5; Dickey 2000: 19–23; 2006: 15; Падучева 1996: 87; и др.] (3) событие (= переход из одного положения вещей в другое) [см. Маслов 1984: 72–73; ср. Падучева 1996: 87], в то время как значения НСВ «разведены» по разным употреблениям и контекстам.

Наконец, СВ маркирован также в том отношении, что его значение чрезвычайно «прочно», жестко, оно практически не поддается воздействию ситуации и контекста. В то же время значение и значения НСВ чрезвычайно восприимчивы к воздействию прагматических, ситуативных, контекстуальных лексических и грамматических факторов. Значение НСВ изменчиво, оно приспосабливается к контексту, поэтому значения НСВ более «размыты», диффузны, включают много типов, подтипов и переходных случаев.

3. Вопрос о видовой парности. Внутри гнезда однокоренных глаголов среди глаголов, соотносительных по виду, выделяются пары, связанные более тесными отношениями — видовые, или чистовидовые пары. В качестве критерия выделения чистовидовых пар часто рассматривается тождество лексических значений: «Видовая пара — это пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида» [Русская грамматика 1980, т. 1, §1387; см. также Грамматика русского языка 1952, §688; Тихонов 1998: 10; Гуревич 1998: 25; Маслов 1984: 53; Шелякин 1983; и мн. др.]. Если принимать это определение буквально, большинство глаголов окажутся непарными, и сама идея парности потеряет всякий смысл. Ведь вид в целом номинативная (отражающая объективную действительность), семантически напол-

ненная категория, поэтому парными окажутся только некоторые глаголы СВ и НСВ в значениях, в которых последние выступают в позициях нейтрализации видового противопоставления (конкуренции видов в широком смысле) — в наст. историческом, в некоторых общефактических употреблениях и в некоторых других случаях, да и то при условии, что мы не будем рассматривать их значения слишком пристально. Как отмечает М. Я. Гловинская, «конкурирующие» в таких случаях «значения, как бы близки они ни были друг другу, не являются полностью синонимичными» [2001: 149]. (Поэтому лучше говорить осторожнее — о значительной семантической общности соотносительных по виду глаголов [Зализняк, Шмелев 2000: 45].) Поэтому определение парности часто трансформируется таким образом, что в качестве ее критерия принимается тождество лексических значений за вычетом собственно видовых значений СВ и НСВ соответственно. Так, авторы «Русской грамматики» 1980 г. в примечании переходят на эти позиции: «В дальнейшем изложении под «тождеством лексических значений» глаголов, входящих в видовую пару, понимается тождество всех их семантических компонентов, кроме значения вида» (§1387). Однако здесь мы сразу же упираемся в вопрос, каково же то «видовое» или «чистовидовое значение», которым различаются видовые пары. Кроме того, разные частные значения НСВ по-разному тождественны СВ. Ср. значения актуально-длительного предельного НСВ (*наливает, открывает* ≈ ‘находится в процессе открывания’) и событийного (настоящего динамического) НСВ (*открывает бутылку, наливает воду в стакан*) с значением СВ *открыл, налил*. Во втором случае очевидно «более тождественно». Проблема в том, что вид в русском языке — размытая, недостаточно грамматализованная категория, весьма неоднородная в формальном и семантико-функциональном отношении. Существует много различных типов противопоставлений СВ и НСВ (к этому очевидному факту привлек внимание Ю. С. Маслов [Маслов 1984]); собственно, любая сколько-нибудь обобщающая и при этом не совершенно абстрактная работа по виду содержит описание различных типов видовых противопоставлений, см., например, [Маслов 1984; Авилова 1976; Гловинская 1982; 2001; Падучева 1996; и др.]. Так какое / какие из них и почему являются чисто видовыми? Заметим сразу, что как только мы соглашаемся с тем, что существует много различных типов противопоставлений СВ и НСВ (а не согласиться с этим невозможно), то по-иски чистовидовой пары или пар в оообще (для глаголов в целом,

как лексем) сразу теряют всякий смысл. Непонятно, для чего тогда нужно в теории иметь чистовидовые пары. Для того, чтобы исключить все другие из рассмотрения? Но от этого они никуда из языка не исчезнут. Собственно, единственным универсальным критерием грамматичности является распространенность, регулярность и стандартность тех или иных формально-семантических противопоставлений. Чем более регулярно противопоставление, тем более оно грамматично¹. В виде все недостаточно регулярно (оттого-то он так труден для изучения), в нем много разных групп, противопоставлений, соотношений, по разным параметрам и аспектам, в разных комбинациях друг с другом, одни более регулярные и стандартизованные, другие менее регулярные и стандартные. В области вида (как и везде в языке, но в области русского вида особенно) грамматичность — это вопрос степени. Любое проведение границ здесь будет произвольно и условно. Поэтому не стоит делать теоретическую проблему из проведения границ, в принципе необходимо изучать и учитывать в сё. На практике, конечно, исследуются и в данной работе будут исследоваться прежде всего наиболее регулярные и распространенные формально-семантические соотношения и противопоставления, однако не по каким-либо принципиальным теоретическим соображениям, а по чисто прагматическим причинам ограничений времени и места и наибольшей важности для описания системы языка и его практического изучения распространенных, регулярных противопоставлений. Наиболее регулярным и распространенным является соотношение по признаку однократность (СВ) — неоднократность (многократность) (НСВ), называемое Е. В. Падучевой [1996: 89] и вслед за ней в [Зализняк, Шмелев 2000: 46] «тривиальным» (*посетить* — *посещать*)² (противопоставление в плане «количественной аспектуальности» [Плунгян 2000: 294–296]). Чрезвычайно распро-

¹ Так, в последние годы все большее распространение получает трактовка в качестве видовой пары соотношения «НСВ — ограничительный (делIMITATивный) СВ» (*читать* — *почитать*) [Черткова 1996; Петрухина 2000: 187–190; Dickey 2006; и др.] при том, что единственным изменением, которое произошло с момента, когда они не считались парой, — это все возрастающая буквально по годам продуктивность образования делимитативных глаголов и, соответственно, регулярность этого соотношения.

² Тривиальным это соотношение и многократное значение НСВ названо на том основании, что оно «есть у всех глаголов НСВ, входящих в видовую пару» [Падучева 1996: 89]. Заметим, что здесь есть круг, поскольку в качестве критерия видовой парности глаголов СВ и НСВ в работе рассматривается наличие между ними данного соотношения (там же).

страненным и регулярным, хотя и охватывающим меньшее число пар, чем соотношение по признаку однократности — многократности, является противопоставление СВ, обозначающего «событие»¹, включающего некоторую однородную, делящуюся фазу, и НСВ, обозначающего эту фазу в ее «протекании» (противопоставление в плане «линейной аспектуальности» [Плунгян 2000: 296–303]). Оно также является наиболее лингвоспецифичным и в этом смысле наиболее «нетривиальным» и поэтому наиболее практически важным и теоретически интересным. Кроме того, когда говорят об инварианте видового противопоставления, имеют в виду и исследуют именно это противопоставление. Ср. замечание А. В. Бондарко: «В русском и других славянских языках лимитативность занимает центральное положение среди других аспектуальных полей» [Теория 1987: 53]. Традиционно именно это соотношение принимается как основа парности по виду. Здесь, в свою очередь, существуют разные типы (подтипы) этого противопоставления [Авилова 1976; Гловинская 2001; 1982; и др.], весьма регулярные, менее регулярные и совсем нерегулярные, наблюдающиеся в отдельных парах лексем, — нетривиальные, см. [Булыгина, Шмелев 1997: 151–166]). При этом в сколько-нибудь полном описании в ряду типов (подтипов) этого противопоставления необходимо учитывать весьма регулярные, распространенные и демонстрирующие возрастающую продуктивность противопоставления «НСВ — начинательные СВ» и «НСВ — ограничительные СВ». Весьма регулярными и (поэтому) важными являются противопоставления конкретно-фактического СВ и общефактического НСВ, СВ и НСВ настоящего исторического (точнее говоря, НСВ более общего типа, который мы будем называть настоящим динамическим, разновидностью которого являются настоящее историческое, настоящее репортажное и т. д.). (Другие типы противопоставлений уже существенно менее регулярны.) Для интуитивного ощущения видовой парности важным также является совмещение различных типов видовых противопоставлений (частных значений) в одном формальном противопоставлении. Как отмечает Е. В. Падучева, традиционно, «хотя, быть может, и не вполне осознанно, для глаголов, входящих в семантическое отношение „процесс в развитии — процесс, достигший предела“, видовой соотношенность признается в том случае, если эти

¹ Мы будем употреблять термин «событие» как (весьма неточный) «ярлык», указывающий на инвариантное значение СВ; более подробное рассмотрение инвариантного значения СВ и этого термина см. далее.

глаголы могут функционировать и как тривиальная пара» [1996: 89]. Чем в большем числе грамматических частных значений НСВ соотнесительны формы СВ и НСВ, тем в большей степени (и именно в этом совершенно ясном смысле) они являются парами и ощущаются как «пары» (например, *открыть* — *открывать* противопоставляются в значениях «действие—событие (результат этого действия)», «однократное—неоднократное (многократное) событие», «единичное определенное действие—неопределенное действие (общезначительное значение НСВ)», «событие в прошлом—событие, протекающее в настоящем (наст. динамическое НСВ)». Поэтому они в большей степени «пара», чем *начать* — *начинать*, в которой СВ противопоставлен настоящему динамическому НСВ и многократному НСВ или *лечить* — *вылечить*, соотнесительные только в одном регулярном противопоставлении: «действие — событие, произошедшее в результате этого действия»; «тривиальное» противопоставление единичного — многократного «события» выражается здесь другой парой: *вылечить* — *вылечивать*. Однако нет никакого смысла на этом основании не считать *лечить* — *вылечить* видовой парой: в любом случае, как ее ни назови, соотношение здесь такое же, как в паре *открывать* — *открыть* (например, *окно*), с тем экстралингвистическим отличием, что результат в последнем случае обычно достигается гораздо проще и чаще, чем в ситуациях, обозначаемых парой *лечить* — *вылечить*.

При этом один и тот же глагол может входить в разные видовые противопоставления и образовывать разные пары с разными глаголами [Падучева 1996: 88–89]. Так, актуально-длительное (но состоящее из многих актов, многоактное) НСВ *стучать* с одной стороны противопоставлено однократному СВ *стукнуть*, а с другой стороны — ограничительному СВ *постучать*; только с ограничительным СВ соотнесителен НСВ в общезначительном значении: *Давай ещё постучим, — предложил Матвей, — Лариса в долг одну даст. — Стучали уже, — ответил Семен* (В. Пелевин. Музыка со столба).

В последние годы получили популярность формальные, операционные критерии парности, сводящиеся к возможности или необходимости замены СВ НСВ в некоторых позициях [Маслов 1984: 66–67; Forsyth 1970; Булыгина, Шмелев 1997: 151; Зализняк, Шмелев 2000; Гуревич 1998: 25; и др.] (замена СВ прош. врем. на НСВ при переводе повествования в наст. историческое (критерий Маслова), возможность (почти) синонимичной замены видов у некоторых глаголов

в некоторых случаях в некоторых ситуациях в императиве и при отрицании и т. д.). При всей эвристической и доказательной значимости подобных операций не следует преувеличивать их значение. Разумеется, возможность замены говорит о функционально-семантической близости (но даже не тождестве!) этих форм в этом противопоставлении в данном контексте, но не более того. Однако семантическая близость или даже семантическое тождество в данном противопоставлении в данном контексте не говорит ничего и не гарантирует парность в другом или других противопоставлениях, тем более некоей фиктивной парности «вообще». Вообще странно, что Ю. С. Маслов, который в своей известной статье как раз и начал с разнообразия типов видовых пар, затем, не удержавшись, «съехал» на противоположную точку зрения и постарался найти единый и единственно верный критерий парности. Дж. Форсайт на основании того, что *искать* не употребляется как многократный результативный, выступает против того, что он парный к *найти*, считая это распространенным «заблуждением» (fallacy) [Forsyth 1970: 50]. Однако отсутствие у *искать* многократного результативного значения никак не отменяет того, что *искать* соотносится с *найти* так же, как *ловить* с *поймать* и мн. др. парами, и в этом смысле они являются парными. Кроме того, возможность замены СВ на НСВ и наоборот является интуитивно очевидной только для носителей языка. С точки зрения практических потребностей обучения языку и собственно с теоретической точки зрения наибольший интерес представляет как раз противоположная проблема: как, исходя из значения глагола (глаголов), определить, можно ли его заменить в данной позиции глаголом противоположного вида, какие отличия при этом имеют место и почему. Кроме того, обратим внимание на очевидный факт: возможность или необходимость замены в некоторых случаях отнюдь не является правилом; напротив, правилом является несинонимичность видов, их принципиальное различие и, соответственно, невозможность замены в одном и том же контексте или вообще, или без принципиального изменения значения. Очень часто виды вступают в отношения своего рода антонимии [Маслов 1984: 72]: *Мир ловил меня, но не поймал* (Г. Сковорода); *учил, да не выучил, сдавал, да не сдал* и огромное множество аналогичных случаев. Возможность замены связана с особыми случаями сближения видов, приводящими к их нейтрализации в некотором отношении и конкуренции видов [Маслов 1984: 72]; как, на наш взгляд, совершенно

справедливо отмечает Е. В. Падучева, «употребление видов в контексте нейтрализации, равно как и тождество видовых форм в таких позициях, составляет отдельную проблему» [Падучева 1996: 90].

Таким образом, под видовой парой мы будем понимать пару глаголов НСВ и СВ в каком-то отдельном значении (грамматическом, видовом, ну, и само собой разумеется, лексическом), связанных регулярным соотношением и более или менее близких по значению.

4. Оценка языкового материала. Чем в большей степени мы углубляемся в языковой материал и чем более тонкие и сложные вопросы рассматриваем, тем чаще нам не хватает однозначных оценок «правильно» — «неправильно», и тем в большей степени становятся необходимы оценки «хорошо», «плохо», «хуже» и «лучше». Вместо только черного и белого возникают полутона, степени правильности и приемлемости. (При этом зафиксированность примера сама по себе не говорит о том, что он правилен (см. дискуссию об этом в [Шмелев 2002: 283–286]). Так, посол России в ООН Виталий Чуркин в выступлении на заседании Совета Безопасности сказал: *Грузия продолжает вероломное нападение на Южную Осетию* (ТВ, 8.08.08). Тем не менее, это неправильно, хотя и понятно.) Главная причина этого в том, что язык вешает свои «вешки» — слова и грамматические значения — на бесконечном континууме реальности и между ними всегда провалы (в языке, но не в реальности), и когда надо об этом как-то сказать, говорящие «растягивают» и «сдвигают» имеющиеся значения. Иногда что-то вообще нельзя выразить правильно. Ср. высказывание в устной разговорной речи: *Обычно она (картошка) в это время (через 30 минут варки) уже [?]сваривается*; с СВ еще хуже: *...*уже сварится*). Здесь *сваривается* не совсем правильно (в словаре не зафиксировано и интуитивно слово «корявое», непривычное, не обтесанное употреблением), но здесь должен быть употреблен НСВ, и в этом смысле правильно, вновь образованное слово соответствует продуктивной модели образования НСВ, и в этом смысле также правильно! Так сказать, правильность 95 %. В бесконечном океане употреблений есть ядро, прототипические случаи, которые звучат безупречно, и есть «натяжки» в речи, некоторая вольность, небрежность, та прекрасная свобода, с которой говорящие владеют (точное слово!) своим родным языком. Насколько свободно и неправильно говорят и пишут в ситуациях непринужденного, неформального общения носители языка, стало особенно ясно в связи с пришествием Интернета, корпусов данных и автоматизированных

поисковых систем. Именно легкие неправильности делают язык живым, язык растет и развивается через вывихи и растяжения, которым его постоянно подвергают говорящие и пишущие.

Другая сторона проблемы — это субъективность оценки приемлемости тех или иных примеров. При этом расхождение в оценке правильности конструкции зависит не только от языкового опыта и компетенции, но также от нашего воображения, от того, насколько мы способны домыслить контекст, который делает предложение правильным. Не спасает и «объективизация» путем опроса информантов. го человек скажут, что так нельзя сказать, а если мы спросим 11-го, то он скажет — можно. И с этим ничего нельзя поделать. Это та расплывчатая объективно-субъективная реальность языка, с которой приходится мириться и считаться.

5. Значение и употребление. Обогащение признаками денотативных ситуаций. Чрезвычайно важный момент, который постоянно надо иметь в виду, это то, что язык «сросся» с жизнью, с употреблением в различных жизненных ситуациях. Значение невозможно отделить от употребления. Значение возникает в результате взаимодействия жизни и языка. Является ли что-то значением — это вопрос степени. Значение — это в высшей степени конвенционализованное употребление. Если нечто ассоциируется со словом в 100% его употреблений, то это, несомненно, значение. А если в 99%? В 80? А если просто часто, но не всегда? Неправильно было бы это просто отбросить, потому что это хотя и вероятностная, но, тем не менее, информация. Семантика слова не делится на четкие значения, как это, может быть, хотелось бы лексикографам, то, что выделяется в качестве значений, — это, скорее, сгущения в континууме употреблений, о которых как о значении слова говорил Витгенштейн [1994]. Это обстоятельство начинает постепенно учитываться в лексикографической практике, так, в современных толковых словарях английского языка для таких случаев используются толкования через *usually*, *often* и т. п. Напр.: *leap* — «to jump through the air, often landing in a different place» [Longman 1989].

«Проникновение» особенностей употребления в значение описано для имен существительных под названием «обогащение признаками денотата» [Арутюнова 1976: 337; Шатуновский 1983]. Так, *officer* — это ‘тот, кто служит в армии или на флоте и относится к командному составу’ — ничего более для приложения этого слова к объекту не нужно. Однако какие-то типичные, хотя и не обязательные, при-

знаки денотативного класса офицеров — смелость, военная выправка, приверженность специфическому кодексу чести и т. п. — начинают (в большей или меньшей степени) ассоциироваться с этим словом, входя тем самым в какой-то степени в его значение и определяя его языковое поведение: *Ах, какой был мужчина! Настоящий полковник!* (из песни А. Пугачевой). Однако не в меньшей степени подобное «проникновение» характерно для глаголов. Во многих случаях типичные признаки денотативных ситуаций — признаки объектов, участвующих в данных ситуациях, прагматические характеристики самих этих ситуаций, их предпосылки и / или последствия и т. д., и т. п. — втягиваются в значение, конвенционализуются, начинают в большей или меньшей степени ассоциироваться с глаголами и их аспектуально значимыми группами. Непрерывное взаимодействие, смешение языка и жизни в пункте употребления видовых форм ставит задачу разграничения того, что идет от жизни, и того, что идет от языка, при ясном понимании того, что окончательно и однозначно разделить язык и жизнь невозможно.